

Константин КЕВОРКЯН

ОБРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ: ВЕСНА 2014-го

1

Цветочный аромат густо вливался в открытое окно и рождал расслабленные приятные видения, пока в спокойный сумрак маленького двора не стал проникать неясный сторонний шум.

Наконец стало отчётливо слышно: по нижней улице ползёт очередное шествие националистов. Их самих не видно, но чуть дальше по склону – на оконных стёклах домов и в низеньких городских облаках – заметались огни горящих факелов, и всё отчетливей доносился накатывавшийся многотысячный рык:

- ...Украина! – зачинал мегафон.
- Понад усэ!!! – ревела толпа.
- Москалив!.. – заходился мегафон.
- На ножи!!! – подхватывала толпа.

И с новыми силами:

- Слава нации!..
- Смерть врагам!!!

Эхо гулко разносило рывканье по замершему роду, отблески десятков факелов играли в окнах ярче и злее, и даже запаха факельной гари оказался заброшен в дворик порывом вздорного ветра. А потом, побыв несколько минут где-то рядом, огненные сполохи, сиплые крики и шум толпы стали не торопясь, похозяйски удаляться, медленно угасая за поворотом соседних улиц. Да едкая гарь, цепляясь за вечерний туман, ещё некоторое время висела в воздухе. Пока не растворилась в тишине наступившей очень тёмной, чёрной ночи.

2

Сначала я подумал, что впереди случилось серьёзное ДТП. Автомобильная тянучка медленно объезжала какое-то ещё невидимое препятствие на узкой улице.

Скорость упала почти до пешеходной, и я опустил тонирующее стекло, чтобы лучше увидеть случившееся – может, позвонить коллегам и вызвать телерепортёров? Подъехав ближе, я понял, что это не обычная авария.

На противоположной стороне улицы стояла недорогая импортная малолитражка с разбитым вдребезги ветровым стеклом. На водительском сиденье сидел окровавленный мужчина, кровь густо заливала его лицо, и он, прикладывая к нему руки, будто умываясь, пытался кровь остановить. Вокруг машины металась растерянная женщина, наверное, его жена. «Вызовите скорую, помогите!» – кричала она, обращаясь к окружающим. «Уже вызвали!» – хмуро отвечали ей с тротуара. «За ленточку, за георгиевскую ленточку стекло разбили и водителя избили», – громко сообщал кто-то из очевидцев в телефонную трубку. А в отдалении, в лоскутной тени деревьев кучковались человек пять с увесистыми битами и вызывающе громко смеялись, видимо, смакуя детали нападения. Особый смех у них вызвала беспомощно мечущаяся хозяйка разбитой машины.

Пробка закончилась, никому звонить я не стал. Репортёры приехали самостоятельно: вечером в местных новостях я видел сюжет о том, что водитель своей наглой ленточкой на автомобиле сам спровоцировал столкновение с патриотически настроенной молодёжью.

3

177

Уличный музыкант на набережной Ялты играл мою любимую мелодию – прекрасную «Гуантанамера». За много десятков лет я слышал её несчётное количество раз: и на запиленной до хрипа виниловой пластинке в родном Харькове, и пританцовывал под неё в портовом кабаке «Тропикана» на далёком острове Огненная Земля, подпевал ей в уважаемом ресторане в Барселоне, насвистывал в бессмысленном одиночестве эмиграции.

Эта песня всегда ассоциировалась у меня со свободой. Наверное, потому, что она пришла с Кубы, Острова свободы, как её называли в моё время. От неё веяло таинственным простором безбрежных океанов, пьянящим ромом «Gavana club», экзотическими фруктами и недорогими сигарами. Из обрывков текста я понимал только слово «пальма» и пел его с особым чувством: то была мечта о пальмах, мулатках и круглогодично тёплом море.

Припев – «Гуахира Гуантанамера» – это слышимая помесь Гренады и Гвадалахары, что-то из борьбы с испанцами и за испанцев. И ещё ассоциация с бородастым Хемингуэем, портрет которого блестел за стеклом на книжных полках в большой комнате. Строгий старик смотрел вездливо, исподлобья, словно требовательно спрашивал: «Остался ли ты порядочным человеком? Не стал ли ты на сторону испанских фашистов? Помнишь ли, по ком звонит колокол?..»

Ах, это просто мобилка! Остров свободы внезапно, как возраст, сменился полуостровом свободы. Но вдали снова гремит гражданская война. Тревожна фиеста, и пронзительно – до слёз – играет трубочка мелодию о девушке из Гуантанамо. Пряную мелодию свободы, так непохожую на военный марш.

4

Я помню себя на удивление рано. Первое воспоминание моей жизни – я лежу, мне уютно, перед глазами круглые цветные шарики в ряд, а за ними – проглядывается вдали – мама, с кем-то разговаривает. Мне хорошо, тепло, спокойно, и я зарываю глаза. Сейчас понимаю, что я лежал в коляске. И первые шаги помню – это неудержимое желание встать, идти, и радость от нескольких шагов, и опора на стену, чтобы не расстаться с таким трудом достигнутое равновесие. И где-то рядом мама...

Я не помню в её глазах страха. Гнев, иногда даже ярость, но никогда не было страха. Может, это особенность тех, кто пережил войну и оккупацию? Наверняка, как всякая женщина, она боялась многого. Боялась, когда меня загребли в КГБ зимой 1984 года, и она сжигала всё, что ещё могло меня уличить; боялась, когда в августе 1991 года я уезжал печатать подпольный выпуск газеты; боялась во время февральского путча 2014 года. «Будь потише, не говори много», – просила она. Но это не был страх. Просто разумная осторожность пожилого человека, который всё равно не может удержать взрослого сына.

Её заслонили от меня границы и самозванцы. И я снова начинаю идти по жизни, спотыкаясь – как в первый раз. И где-то рядом она – страшится, что больше меня не увидит.

5

«Будет все хорошо, Вы будете в Харькове, любимом Харькове, где люди будут Вам улыбаться и благодарить Вас за любовь к Украине, к Харькову, потому что Вы честный и порядочный Человек... Это все будет, точно!» (из переписки в «Фейсбуке»).

Когда я вернусь, нужно будет сделать множество дел: надо будет заехать на кладбище, поклониться родным могилам, которые – несмотря на своё пугающее название – дают силы жить и оставаться человеком.

Надо сделать пару-тройку звонков. Удивить и обрадовать внезапным появлением, и вместе вкусно покушать, и узнать свежие сплетни. Давно не слышал свежих харьковских сплетен.

Нужно успеть вернуться от объятий всяческих мерзавцев и простить тех, кто заблуждался, и переступить через тех, кто предал.

Пройтись по тихому центру и постараться избежать горести по украденным годам. Просто пройти и посмотреть, что изменилось за время отсутствия.

Необходимо отказаться от искуса сходу полезть исправлять. Это уже другие люди, другая страна и не то здоровье.

Постоять на Университетской горке, гуляя рассеянным взором от собора к собору. Побывать возле памятника Гоголю и послушать, как плавный, вальяжный шорох шин на Сумской сменяется энергичным дробным звучанием брусчатки под колёсами автомобилей.

Зайти в рюмочную-рассыпуху и впитать, что говорят люди. Надо многое успеть сделать – когда я вернусь...

О ДИВНЫЙ РУССКИЙ МИР!

1

Когда летом 2014 года меня исключили из Союза журналистов Украины «за сепаратизм» и по мою душу зашевелилось СБУ, я просто сел в автомобиль и уехал в Крым. Ехал по разбитой военной техникой трассе, обгоняя грузовики с хмурыми солдатами, мимо блокпостов с какими-то махновцами в грязном камуфляже. Я не узнавал своей страны и дороги, которую раньше, казалось, знал на память... И пограничный досмотр вместо опустевшего рыбного рынка на Чонгаре.

Переехав мост и очутившись на другой стороне залива, я притормозил. Дальше идёт прямая дорога до Симферополя, по которой так приятно притопить педаль и мчаться на скорую встречу с тёплым морем.

Но я притормозил – впервые в подобных обстоятельствах. Вышел из машины. Обернулся, низким горизонтом простиралась Украина, и первый раз за несколько месяцев почувствовал себя в безопасности. Теперь всё будет хорошо. Сел в машину и поехал вперёд – не торопясь, смакуя дорогу и даже насвистывая что-то игривое.

2

Пожилая женщина окликнула меня: «А вы? Надо записаться в очередь!» Я настолько привык к очередям за получением временного разрешения на проживание, что и не сопротивлялся. Подвох выяснился позже: оказывается, мне в числе прочих надо было отдежурировать зимней ночью под окнами Федеральной миграционной службы, оберегая список из нескольких

десятков эмигрантов, накануне записавшихся на приём к столоначальнику.

Когда наступила моя очередь дежурить, то есть к четвёртым часам утра, я подъехал к зданию ФМС. Уже знакомая женщина стояла в темноте улицы и в голос рыдала. Оказалось, что недавно к ней подошёл молодой человек из числа так называемых решал, которые продавали очередь в казённое заведение. Выхватил из рук её единственное сокровище, этот многостраничный список, порвал его и, хладнокровно растоптав в грязи обрывки чужих имён, спокойно ушёл.

«За что?! За что?!» – захлёбывалась слезами женщина. Так мы с ней рядом и простояли, втоптаные в грязь и замёрзшие, пока не занялся тусклый рассвет.

3

Этот красный небольшой джип с донецкими номерами давно привлекал моё внимание. Один раз, когда он отъезжал, я заметил за рулём симпатичную девушку. Я бы сказал, интересную особу лет тридцати. Всякие мысли на юге рождаются.

Постепенно машина, парковавшаяся во дворе, стала всё больше занимать моё воображение. То она стояла подолгу на одном месте, то вдруг меняла место парковки – и куда-то выезжала.

И вот, выходя из подъезда, я увидел – знакомая иномарка только что заехала во двор. Дверца автомобиля была приоткрыта, сквозь лёгкую тонировку виделось приятное молодое личико: похоже, с кем-то болтает по телефону.

С заднего сиденья стоящего автомобиля соскользнула девочка лет восьми-девяти. Дочка? Ну это несколько меняет дело, хотя и не отменяет его.

Я подошёл ближе. Телефонный разговор затягивался, давая возможность оценить ситуацию подробнее. «Недорогой паркетный джип, – думал я, – коробка-автомат – это несерьёзно... Как он вообще доехал сюда из Донецка?»

В доносившемся разговоре настойчиво звучало слово «бахать». Я уже знал, что этим странным термином донецкие называли взрывы и бомбардировки своего города. Вот и сейчас девушка громко спрашивала у невидимого собеседника: «Сегодня опять бахали?!» «Да ты что! И сильно бахнуло?» «У вас все целы?» «Чувствую себя нормально, уже почти не болит».

Её дочурка кружила неподалёку от машины. Что же привлекло её внимание? Ну, конечно же, милейшие дворовые котята. Наконец разговор закончился, и я изготовился его подхватить – шутиливо уточнить: откуда, какими судьбами, как зовут?

Симпатяшка слегка замешкалась в ожидании чего-то. Дочка, слышав, что беседа прекратилась, проворно открыла заднюю дверь, вытащила из салона и передала ей пару костылей. Девушка сползла с водительского сиденья и опёрлась на них.

У неё не было одной ноги – ампутирована по колено.

Неловко опираясь на костыли, она поковыляла в сторону подъезда, и девочка волочила за ней тяжёлую сумку – может, с продуктами. Растерянно я смотрел им вслед. А надо было бы помочь.

4

Это слово промелькнуло в разговоре, словно молния, – «мыслитель».

Так в телефонном разговоре неожиданно назвал меня Владимир Петрович, кинорежиссёр, бывший харьковчанин, человек немолодой и резкий. «Я отрекомендовал московским коллегам вас с наилучшей стороны, как профессионала, прекрасного продюсера, мыслителя...»

От неожиданности я поперхнулся и закашлялся в телефонную трубку.

Заходились в табачном кашле прошедшие годы, слипшиеся в несколько книг, отравленные бессонницей ночи, когда утро встречаешь лишь для того, чтобы записать слова, которые почему-то не могут явиться в утреннее время...

Где-то бодро тебя проклинают, и вчерашние друзья обещают при встрече разбить тебе физиономию военными берцами. А те, кто искренне желают добра, с усталостью разочарованного тренера уже не знают, что делать, и подозревают тебя в симуляции.

И вот поди ж ты – «мыслитель»!

Разговор закончился. Я бесщётно курил, растроганно и одиноко смотрел в неподвижную заоконную тьму: «Я мыслю – следовательно, существую...»

5

Под ледяным ливнем промок и продрог необычайно. Отреставрированная властями первопрестольной Большая Никитская улица заледеневшей плиткой разъезжается под ногами. Иду насколько могу быстро, каждую секунду рискуя соскользнуть в очередную лужу.

Очень хочется в тепло, и, увидев напротив Театра Маяковского вывеску «Рюмочная», не раздумывая, юркаю в уютный подвальчик. Сходу заказываю гренки со шпротами, бармен цедит в графин двести граммов ароматной «Старки», и, предвкушая блаженство, я бухаюсь за свободный столик...

Внимание сразу привлекла фотография над столом, взглядевшись в которую, я невольно ахнул.

Я сидел напротив портрета русского писателя Владимира Орлова – автора знаменитого романа «Альтист Данилов» и моего мастера по Литинституту.

Это была любимая рюмочная ныне покойного литератора, его привычный столик, что авторитетно подтверждали вырезки из различных изданий, приколотые здесь же – прямо на стену. И хрустальным рюмочным перезвоном откликнулись в памяти щемя-

113

щие мелодии его книг, наполненных музицирующими демонами, останкинскими домовыми, нечеловеческой грустью...

И дословно, отчётливо вспомнилось, как он защищал от нападков мою первую книгу, насыщенную опечатками и глупостями. И горячая признательность потекла вместе с водкой куда-то вглубь организма.

После института я, неблагодарный, не навещал его – вот и свиделся с покойником. Уж прости меня, если можешь, мастер.

И мы, обнявшись, выходим из нашей любимой рюмочной на подсохшую Никитскую и мимо ЦДЛ идём далеко за город и даже за пригород, по кронам деревьев и звёздному небу – в наше общее никуда...

ГИМН НАШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Ну кто так летает! Прижав локти к телу до изнеможения, дабы нечаянно не задеть соседа, давясь несъедобным самолётным кормом, задыхаясь миазмами пота сотен таких же бедолаг! И мавзолейная очередь в сортир!

Вот раньше, часто в полупустых самолётах можно было курить, выпивать, сколько организм просит, и давки в салоне не было. И полететь из Харькова можно хоть в Таллинн, хоть в Тбилиси. Вам, стеснённым капиталистической экономикой и логистикой, так уже не летать. И не только потому, что стало меньше рейсов. Внутри нас до сих пор нет государственных границ – и с этим безграничным чувством советских поколений яростно борются разделяющие нас и властью торгующие.

Помнится, в середине 1990-х летели мы с моим другом Володей из Италии чартером на Харьков. Рейс вёз загруженных товаром челночников, возвращавшихся из итальянской провинции. Ну а у нас закончились съёмки. В самолёт мы погрузились весёлые, поскольку остававшиеся лиры (ходили и такие поэтические деньги) нужно было срочно потратить

в ближайшей траттории. И веселье наше росло по мере набора высоты. И тосты, и хоровое пение всем салоном, и шуточный захват самолёта «страшными» журналами. И Володя, игравший с незнакомой девушкой в карты на раздевание и проигравший – на фото исключительно в галстук. И смеющиеся пилоты, и счастливые, возвращающиеся на родину пассажиры. Возвращались не только в Харьков, но и в Белгород, и в Курск, и в Полтаву. Так союзно и вместе могли веселиться только люди, для которых слово «Родина» звучит природно, громадно. Вы хоть понимаете, что Родину можно любить без вышиванки? Без танков? И даже без наложения на себя рук во время исполнения гимна. Нет, перелётные, вам так уже никогда не взмывать. Ваша судьба – передвигаться набитыми до отказа самолётами, атомами слипшись на тесных эконо-сиденьях, сдавать отпечатки пальцев на визы, бояться закурить в кафе (а, ну да – вы же не курите!), и ваши телефоны будут круглосуточно за вами следить. И вы будете мыслить гаджетами, играть компьютерными танчиками и, озверев от тоски, устраивать истеричные майданчики. И в пустоте арендованной комнаты с помощью компьютера станете вы пить на брудерскойп с разбросанными по миру, навсегда уехавшими с родины друзьями. И мучиться одиноким, недушевым похмельем. Ах да, вы ещё и не пьёте. Ну кто же так летает?!

Так возвращайтесь в общий мир живых, к чувству свободного полёта! И нефиг винить старшее поколение за то, что в нас ещё есть беззаботный дух социализма. И воспоминания об общем для нас – пионерлагерях, портвейнах и женщинах. Ненавидеть былое – значит пинать собственную молодость. Оставим эту печальную судьбу бывшим комсомольским функционерам, мизантропам и импотентам. И не надо демагогии о вреде дешёвой колбасы. Она, демагогия, для тех, кто колбасой никогда не закусывал. Да, у нас есть определённые недостатки... Но их мало.

